

А. М. Сулейменова,
доцент Школы региональных
и международных исследований ДВФУ

**Лекции по курсу
«Межкультурная коммуникация
и литература Японии Нового времени»**

Цели проекта

Связаться простыми словами с человеком иного склада, иной местности, иной страны – это трудная умственная операция, сопровождающаяся чрезвычайным душевным напряжением.

М. С. Федоришин *Диалог мировоззрений*.

В последних дискуссиях на тему трудностей общения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) исторический аспект меняющихся культурных перспектив становится всё более и более мощным потенциалом, ключом к международному взаимопониманию в современном мире. «За последние несколько десятилетий процесс глобализации, совмещённый с быстрым прогрессом интеллектуальных технологий и новыми видами транспорта, сблизил нас, тем самым увеличив нашу взаимосвязь. Такие близкие связи и общение меж людьми и культурами могут принести большее понимание, международное сотрудничество и обмен, затрагивая большие уровни взаимозависимости, развивая гармоничные человеческие отношения. К несчастью, во многих случаях происходят и обратные процессы. Усиление межкультурного обмена приводит к расовым, социальным и религиозным трениям, вызывая внутри- и межгосударственные конфликты, нетерпимость, угрожающие миру, правам человека и безопасности» [de Leo, 2010, p. 6]. Трудности во взаимопонимании между Японией и другими азиатскими странами возникли после Второй мировой войны, когда милитаристская Япония поставила себя выше иных существовавших и самобытных культур, став доминирующей культурной и лингвистической силой.

Среди принципов, выдвинутых ЮНЕСКО в 1996 г. в докладе на Международном Совете по образованию в XXI веке, наиболее заметным и важным представляется принцип «учиться быть». Принцип «учиться быть» относится ко «всеобщему развитию индивидуума – развитию телесному и духовному, развитию интеллекта, чувствительности, эстетического вкуса, персональной ответственности и духовных ценностей.... независимого, критического мышления... (способного) формировать собственное «суждение» [Delors, 1996, p. 94]. Добиться индивидуального подхода к региональным культурным особенностям и расхождениям между различными социальными, национальными и гендерными представителями – ключевая стадия в межкультурном понимании. Несомненно, что существует множество эффективных методов накопить индивидуальный опыт, но наиболее эмоциональным путём к «сердцу Азии» является чтение лучших литературных произведений, особенно таких, в которых читатели могут осознать человеческие отношения во всей их сложности и разнообразии.

Сотрудникам образовательных учреждений в странах АТР надо показать собственную культурную осведомлённость, выделяя, оценивая и изучая жизненные истории разнообразных культур, самобытных народов и языков, судеб, достижений и вопросы прошлого и настоящего, включающие подобные рассказы и их перспективы» [de Leo, 2010, p. 16]. Необходимо провести интенсивное исследование среди потенциальных источников контактов между странами-соседями (Китай, Япония, Корея). Методами синхронического и диахронического подхода к культурным портретам, полученным в разработке межкультурного контекстно-специфического взаимодействия, изображённым в путевых дневниках наиболее заметных деятелей искусства, были очерчены наиболее важные источники, выполняющие роль объективной оценки проблем недопонимания между китайцами и японцами, корейцами и японцами. Архивы русской белой эмиграции также позволят нам, представителям позднейших поколений, обозреть пути, которыми выходцы из Азии искали дороги к самоидентификации. Заметки японских писателей также играют роль зеркала, в котором современный читатель может осознать сложность характеров и их столкновение на территории континентального Китая, Маньчжурии и Кореи.

Первоначальной целью проекта (под условным названием «Перевод и анализ японских текстов Нового времени в транснациональной перспективе») было собрать информацию обо всех аспектах межкультурного взаимодействия, особенно во взаимодействии разных модусов коммуникации – европейской низко-контекстной культуры (культуры русских белоэмигрантов, например) и японской высоко-контекстной культуры. Для выполнения подобной задачи анализировались и сравнивались тексты русских и японских путешественников, писателей, оценивавших народы Азии, их характер и манеру общения в целом (исходя из исторической обстановки и образной системы). Затем, на второй стадии, каждый из текстов был подготовлен к детальному исследованию коммуникационных особенностей типа ценностных парадигм (индивидуализм/коллективизм; маскулинность/фемининность; социальная индифферентность/заинтересованность и другие)¹.

Некоторые японские тексты имели характер повествования, отмеченного стереотипическим этноцентризмом, некоторые авторы дневников боролись с собственным равнодушным эго и старались найти в другом черты, схожие с представителями собственной культуры. Это разнообразие менялось в дневниках от жёсткой фиксации событий и детального описания до трансформации местоимений, от перегруженности эллиптическими конструкциями и непрямой речи в противовес полной и прямой речи в таких документах. Описания природы включали возможные

¹ Обратите внимание на работы по межкультурным коммуникациям Дж. Болдуина и Ян Бинг Чжанга: James, R. Baldwin “Communication Modes, Western”, and Yan Bing Zhang in “Communication Modes, Asian”, in *The International Encyclopedia of Communication*, edited by: Wolfgang Donsbach; eISBN: 9781405131995; Print publication date: 2008, DOI: 10.1111/b.9781405131995.2008, accessed September 21, 2013.

пункты пересечения между работами русских писателей-эмигрантов и японских путешественников-писателей. Некоторые объекты в разных текстах на русском и на японском языках – корейские Алмазные Горы или Маньчжурская железная дорога – вызывали похожие чувства, хотя контекст повествования отличался. Был привлекателен для анализа также эмоциональный компонент дневников. На третьем, образовательном, этапе аудитории предлагается перевести японские тексты с помощью инструктора и с использованием словаря, отредактированного автором курса.

Методология

Японские тексты были отобраны по следующим критериям.

1. Они должны быть написаны авторами-женщинами, теми, кто пережил идею японского «женского языка» («онна котоба») в собственной судьбе.
2. Они должны включать использование некоторых элементов, характерных для японского женского языка («онна котоба») или гендерированных стилей.
3. Это краткая проза с включением поэтических работ, так как такие произведения легче подвергать анализу, суммировать итоги или описывать.
4. Повествование в них ведётся от первого лица, что даёт большую возможность обозреть применение гендерированного японского языка и изменение реакций/эмоций; повествователь встречается с другим, с объектом рассказа.
5. Тексты, созданные, опубликованные в период между 1912 и 1939 гг. для воссоздания последовательности изменений и для обоснованности сравнений.
6. Обсуждение текстов ведётся в ретроспекции (от текстов 1939 г. к 1912 г., от поздних к ранним), для облегчения перевода на русский язык на практических занятиях.
7. Тексты должны включать разнообразие характеров/тем: чтобы исследовать различный опыт женщин – от активной личности к индифферентному наблюдателю.

После краткого введения к некоторым вопросам связи гендера и литературы, языка и перевода, обсуждение повернется к трем источникам, отобранным согласно приведённым критериям. Были проанализированы стили и язык трех рассказов, причём в фокусе сохраняется литературоведческое обоснование исследования, а не лингвистическое или переводоведческое. Между тем, стратегии, предпринятые переводчиками, также будут обсуждаться. Анализ базируется на оригинальных и на переведённых на русский язык текстах, потому что многие из текстов не были распространены или прочитаны ни на русском, ни на английском языках, критической литературы о них не обнаружено.

Этот курс, кроме того, является интердисциплинарным, он скоординирован с такими предметами, как «Литературоведение», «Теория перевода», «Гендерные исследования», «Социолингвистика».

Курс включает следующее.

1. Текст лекций – 4 лекции (по 2 академических часа каждая);
2. Задачи для самостоятельного изучения – вопросы по межкультурной коммуникации, сравнительный анализ русских и японских текстов;
3. Международный и японский глоссарий терминов;
4. Японские оригинальные тексты со словарями и коннотативными ссылками, руководство к переводу текстов.

Лекция 1.

Местоимения в японском «женском» языке как зеркало традиционного и современного стилей коммуникации

Задачи

Региональные культуры имеют много общего в пределах общения «лицо-к-лицу» (“face-to-face communication”), в ценностных и идейных структурах. Геерт Хофстеде предложил парадигматическую концепцию ценностных измерений, которые многие исследователи применяют к характеристике разных культур. В его подробной статье «Раскладывая культуру на измерения: модель Хофстеде в контексте» (или так называемые «ценности Хофстеде с одного раза») Хофстеде обсуждает принципы собственной доктрины². Вкратце эти измерения можно представить в виде следующих групп.

1. Дистанцирование от власти (общества с малой и большой дистанцией от власти);
2. Избегание неопределённости (общества со слабой и сильной тенденцией избегать власти);
3. Индивидуализм (коллективистские и индивидуалистические общества);
4. Общества маскулинного («мужского начала») и фемининного («женского начала») типа;
5. Общества долго- и кратковременного типов;
6. Общества «потакания» и «сдерживания».

Другие измерения добавили Михал Минков (общества исключительности против обществ универсалов; общества «монументалистского» типа против обществ «флекси-милити»)³, Питерс и Уотерман (общества, ориентированные на процесс, и общества, ориентированные на результат)⁴, Блэйк и Моутон (общества, ориентированные на работу и на работника)⁵, Мёртон (профессиональное

² Hofstede G. (2011).

Minkov, M. (2011). Cultural differences in a globalizing world. Bingley, UK: Emerald.

⁴ Peters, T. J. & Waterman, R. H., Jr. (1982). In search of excellence: Lessons from America's best-run companies. New York: Harper & Row

⁵ Blake, R. R. & Mouton, J. S. (1964). The Managerial Grid. Houston TX: Gulf.

против дилетантского или местного против космополитизма)⁶ и другие. Некоторые из этих измерений будут обсуждены в лекции.

В отношении современного японского общества автор полагает его как общество «с высоким уровнем избегания неопределённости», «с высоким уровнем маскулинности» и «Япония находится между коллективистским и индивидуалистическими обществами» (Hofstede, 2011, 11-13).

Социологический подход интересен, хотя только некоторые измерения применимы к современным обществам. В переложении к культурам Азиатско-Тихоокеанского региона, наиболее привлекательными будут такие измерения, как дистанцирование от власти, маскулинность/фемининность, избегание или нет неопределённости, индивидуализм против коллективизма, долго- и кратковременная ориентация, а также измерения типа «профессиональное против дилетантизма».

Милтон Беннет в своей книге «Межкультурная коммуникация: современная перспектива» (1998) полагает, что «межкультурная коммуникация фокусируется на общении «лицо-к-лицу» (или, по меньшей мере, «человек-к-человеку»), и в этом общении все участники должны видеть себя потенциально вовлечёнными в процесс общения и способными давать и получать обоснования общению» (Bennet, 1998, 5). С этой точки зрения, обсуждение будет базироваться на наиболее продуктивной перспективе письменных литературных текстов, таких как дневники и письма японских писательниц. Обсуждаемые в ретроспективном порядке – от поздних к более ранним, эти тексты становятся интригующим звеном между литературным и лингвистическим исследованиями.

Дневники и письма знаменитых авторов не только богатый источник биографической информации, они дают исторический портрет японского языка, его роль в личной истории и в истории японской модернизации. Дневники также касаются таких измерений, что были упомянуты выше (маскулинность/фемининность, долго- и кратковременная ориентация).

Лингвистический подход показывает, что литературные тексты открывают возможность анализа особенностей женского языка. Этот аспект включает обращение к таким краугольным работам по межкультурным коммуникациям, по социолингвистической теории, как работы Робин Лакофф «Язык и место женщин» (1975).

Пенелопа Эккерт и Салли МакКоннелл-Гинет доказывают, что «язык женщин отражает их консерватизм, осознание престижности, стремление подняться, нестабильность, почтительность, эмоциональную выразительность, обращённость к собеседнику, чувствительность к другому, солидарность. А в мужском языке слышится усиленная жёсткость, нехватка чувствительности, дух соперничества, независимость, компетенция, иерархия, контроль» (Eckert, McConnell-Ginet, 1992, 2). Эти авторы также усиливают ответственность исследователей учитывать все аспекты изучения, чтобы избежать стереотипов: «Интеграция может протекать благодаря

⁶ Merton, R. K. (1968[1949]). *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.

интенсивному сотрудничеству людей в различных сферах, испытывающих и оценивающих различные вопросы» (Там же, 11).

Все эти наблюдения касаются японского языка и общения японцев особенно. В. М. Алпатов ссылается на работы по коннотативным возможностям в дневниках японских женщин (Алпатов, 2003, 95; цит. по: Макино, 1979, 124). Японские мужчины стараются выразить суть происходящего события, женщины – описать свой эмоциональный ответ на него. Мужчины могут использовать специальные, гендер-ориентированные местоимения, чтобы усилить индивидуальный характер в письменных текстах; женщины стараются скрыть себя в эвфемистических оборотах. Среди тех, кто осмеливался бороться против патриархальных ценностей, были писательницы и активистки за права женщин. Вот почему важно изучать их язык, анализируя скрытые маркеры коммуникации и пути балансирования между денотативным и коннотативным, женским и мужским, индивидуальным и коллективным (семейные ценности, профессиональное и дилетантизм в языке и манере общения).

Приводимые В. М. Алпатовым диахронические исследования, проведенные Номото Кикио, показали, что формы вежливости, непрямая речь и эвфемистические средства обращения снижались в период между сороковыми и семидесятыми годами. Анализ был проведён для работ писателя Сига Наоя (1883–1971, для текстов 1947–49 гг.), в них вежливых форм было больше, чем в текстах современных авторов (Алпатов, 2003, 95; цит. по: Номото, 1972).

Идея сравнить три индивидуальных стиля трёх авторов в разных дискурсах, но в одном и том же жанре – жанре дневника, заставила нас пойти ретроспективным порядком, начиная с конца 30-х гг. до начала 60-х. Дискурс дневников будет расширяться – от семейного контекста (переписки, представленной одной стороной - женской) в пределах членов семьи до путевых дневников, когда путешествующий автор сталкивается с другой реальностью, с неапонскими авторами в неапонской среде. Мы будем двигаться назад, к старому языку женщин, вслед за которым пошла эмансипация женщин.

Однако, что такое «японский женский язык»? Что подразумевает это понятие в тексте дневников, в которых женщины Японии выражают свои интимные и индивидуальные чувства по отношению к своим партнёрам? Нам придётся сконцентрировать внимание на искусстве манипуляции местоимениями, гонорифическими оборотами речи и расчленёнными вопросами.

Местоимения как маркеры коммуникации

Местоимения в японском языке всегда носят традиционно сильную гендерную привязанность (слабеющую в наши дни), даже при передаче от первого лица. Например, «орэ» (俺 или オレ) или «боку» (僕 или ボク) используются как «я», преимущественно мужчинами (женщины начали

применять «боку» в наши дни), тогда как «ватаси» (私 или わたし) или «атаси» (あたし или アタシ) применяются женщинами.

Японские местоимения не только гендерно-ориентированы, но их применение нацелено на социальный статус говорящих. «Мужчины и женщины в формальных обстоятельствах в основном ссылаются на себя, как на «ватаси» (私 «личный») или «ватакуси» (также 私), тогда как мужчины в грубой или неформальной обстановке более склонны к употреблению слова «орэ» (俺 «сам», «себя») или «боку». Слова «аната» (вежливая форма «вы»), «кими» (неформальное «ты») и «о-маэ» (御前 более формальное «маэ», お前 менее формальное «о-маэ», «некто передо мной») могут быть использованы в отношении слушающего в зависимости от социального положения слушающего и степени близости его к говорящему. Используемые в разных социальных отношениях, эти слова носят как положительные (выражающие тёплые отношения или уважение), так и отрицательные коннотации (выражающие дистанцию или неуважение)» (Japanese language, Wikipedia).

Японские местоимения применяются редко, потому что такие местоимения, как «аната», «кими», звучат неуважительно, люди адресуются друг к другу по имени, фамилии и титулу уважительно даже в непосредственном общении «лицо-к-лицу». Здесь также важны японские имена, говорящие не могут избежать социального контекста их применения. «Обычно используется фамилия, в формальном общении имена запрещены, особенно, когда один участник беседы старше или выше по положению другого. При адресации члену внешней (по отношению к собственной) группы (так называемой «out-группы») обычно к именам присоединяется титул «сан» («господин»)» (Japanese names, Wikipedia).

Трансформация системы японских местоимений и имён является результатом общей трансформации японского общества, когда все позитивные умы в первой половине прошлого века двигались к западным образцам жизни и общения. Писатели начали легче перемещаться в другие страны, чаще находили пути самовыражения во Франции и даже в России, чем на родине.

В цикле писем сыну знаменитая японская писательница и поэтесса Окамото Каноко (1889–1939) использует различные формы личных местоимений первого и второго лица, трансформации дейктического повествования. Эти письма, озаглавленные «Письма к Таро», явились результатом жизни известной женщины, разлучённой с сыном, пожелавшим получить образование в Европе (Париже) с 1903 г. Окамото Таро (1911–1996) учился в университете Пантеон-Сорбонна в 30-х гг. и создал много замечательных произведений искусства после Второй мировой войны. Он был талантливым художником-абстракционистом и писателем. Его перу принадлежит работа «Новое открытие Японии – топография искусства» («Нихон сайхаккэн. Гэйдзицу фудоки», 1958). Цикл писем не включал в себя ответы Таро матери, читатель был принуждён сам додумывать атмосферу и отношения в этой семье (Okamoto Kanoko, 2009, 428-457). Муж Каноко и

отец Таро, Окамото Иппэй (1886–1948) – художник, автор комиксов «манга», также изображён писательницей в эссе «Господину Иппэй» («Иппэй си э», 1958). Обсуждение разных способов коммуникации с близкими людьми, с сыном-подростком, со взрослым сыном на расстоянии, с мужем включает манеру автора манипулировать собственным образом, создаёт общую картину жизни этой семьи.

Окамото Каноко – псевдоним японской писательницы, автора пятистиший танка, исследовательницы буддизма, активно работавшей на протяжении периодов Тайсё (1911–1925) и раннего периода Сёва (1925–1988). Она выросла в обеспеченной помещичьей семье и, конечно, обучалась классическим искусствам – каллиграфии, традиционным танцам, японской и китайской классической литературе, в частности поэтике средневекового романа «Гэндзи моногатари» («Повесть о принце Гэндзи», XI в.) и императорской антологии «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен Японии», X в.).

Отрывок из «Писем Таро» (оригинал, на японском языке)⁷.

太郎への手紙より⁸

二十六日夕

むす子はこのごろどうして暮らしているの。

私はゆんべからすこしメランコリになって泣いてばかりいるのよ。

慰めにとってみんなが活動へ連れて行くところなの、むすこのおばあさんである私の母を思い出すのよ。武蔵野のね、野菜の浄らかに育つ処のね。死んだおばあさんを思い出すのよ。だってむすこはどうせパリジャンだし私は追憶ぐらいしなきやつまんないもの。

Это письмо сыну писательница послала в ходе посещения семьёй Окамото Европы в 1929-1930 гг. Таро остался в Париже. Супруги Окамото осенью 1929 г. поехали в Лондон. Из Лондона Каноко пишет:

«Сын, как ты поживаешь сейчас?

С прошлой ночи я впала в меланхолию и только и делаю, что плачу.

Все мне говорят: «Сходи, развейся!», но только я соберусь выйти куда-нибудь, вспоминаю свою мать, твою бабушку, сын. Вспоминаю умершую бабушку во всех местах, где я выросла – в Мусасино, в этой свежести полей. Да ладно, эти все мои воспоминания будут тебе скучны, тебе, что намерен стать настоящим парижанином» (Окамото, 2009, 428).

Каноко с мужем писали для газеты «Асахи симбун», для них это был шанс прикоснуться к западной культуре. Но надеждам не дано было осуществиться, из-за болезни писательница покинет Европу. Да и она постоянно считала дни разлуки с любимым сыном. В сентябре она пишет ему снова.

二十七日朝

⁷ Отмеченные красным слова показывают гендер-ориентированную лексику и измерения, характеризующие коммуникацию в тексте Окамото Каноко.

⁸ Тексты приведены без японской фонетической транскрипции.

むす子はちゃきちゃきのパリジャンになりつつあるのだろうね。でもしようがないと今朝はあきらめ出したのよ。少し元気になったけどノドがいたくってかぜをひいたようなのよ。**むす子**を見たいとおもうよ。でも英国って実に芸術的につまんない処で、あえて呼ぶ気になれないほど呼んでは気の毒なくらいよ。思想的には少し研究する点はあるけど。

«Утро 27-го дня. **Сын**, ты становишься настоящим парижанином, не так ли? А **я** вот, ничего не поделаешь, но уступаю. Вроде уже было выздоровела, но снова заболело горло, наверное, подхватила простуду. Хочется с тобой повидаться! Однако Британия в действительности как страна искусств неинтересна. Вызовешь сюда **тебя**, и станет **тебя** жалко, так что и не хочется звать. Правда, есть что изучать в научном мире» (Окамото, 2009, р. 428-429).

漫画家のKerenとDersoに遇ったことよ。非常にいい人達よ。

RI氏は**お前**を面度見てくれる?

根本は**自分**をたよりにしなければならぬのよ。

目標をずっと高いところに**置かれよ**。

セザンヌにまだ感激していますか。**こちら**せいぜいけんやくして暮らしているが**他人**にはしわく(あまり)しない。**おん身**もその事その事。

夏のはじめ来られる**かい**?

«Повстречалась с авторами комиксов – Кереном и Дэрсо. Очень хорошие люди!

Господин RI всё также тебе докучает?

Надо тебе взять за правило – доверять только **себе**.

Ставь себе более высокие цели.

Ты всё ещё восхищаешься Сезанном? **Ты** всё так и живёшь, экономя на всём, так не позволяй **другим** жить за твой счёт. Береги, береги **себя**!

Можешь приехать в начале лета?» (Окамото, 2009, 429).

Этот стиль общения может быть рассмотрен как традиционный стиль общения в семье. Здесь различаются нотки беспокойства матери о сыне и его окружении (господин RI). Везде Каноко адресует сыну как «(мой) сын» (**むす子**), но в последней части письма применяет и другие формы – «ты сам» (**自分**) в трёх японских вариациях, «котира» (**こちら**, означает буквально «здесь», коннотативное значение – «ты»), «о-маэ» (**お前**) или «он-ми» (**おん身**). Используя разные местоимения автор изменяет расстояние между собой и сыном.

От речи писательницы, звучащей как речь обычной женщины, или речь «оннарасий» (**女らしい**), автор врывается в современную ей жизнь с помощью новых форм разговорного языка. В последнем предложении вопросительная частица нейтрально-вежливого японского языка «ка» заменяется на фамильярную частицу, в то время допускающуюся только мужчинами – «кай» **かい**. В тоне письма Каноко нет и намёка на подчинённость, она явно манипулирует сыном и его отношениями с другими. Нет и оборотов с расчленёнными вопросами типа «не так ли?», «не можешь

ли?» и других. Р. Лакофф утверждает, что женщины используют больше таких вопросов, чем мужчины, из-за своей неуверенности (Лакофф, 1979, 244).

Писательница противопоставляет Таро иным мужчинам из его окружения. Для неё есть позитивные «другие» (встреченные художники «манга», о которых она пишет сыну) и вызывающие её настороженность и боязнь за сына. Каноко выделяет «опасного» «господина RI» формальным обращением «господин» (氏«-си») вместо обычного нейтрально-вежливого «сан». Обращение к человеку вне её внутренней группы (группы «in»), вне семьи и близких людей осуществляется делением территории текста на своих («in») и людей, входящих в группу других («out»), адресацией формального типа и индифферентным характером изложения.

Некоторые части «Писем к Таро» богаты старомодным дейктическим стилем, и местоимения записываются иероглифически.

十月二日

この手紙見ても驚いてはいけない。

静かに観読せられよ。

第一回の脳充血に見まわれた。

トキワ楼上で土よう日の夕方。

一時絶望。しかし観音を念じる念力によって死を戦い勝った。

静かなる第二の生の曙に目覚めた。

四十近くまではともかく私の年頃になったら御身もそれまでに地盤をかため静かなる生活に入られよ、かならず。

今のうちよく勉強いたしおくべし。私も若いうちからよく堪えて境遇をつくっておいたから、今後の生活はいくらでも静かにできる自信があります。安心せられよ。

トキワ楼上三晩滞在後ハムステッドにかえって二夕晩経過殊によろし。

(欄外に左の框を書いた中に)

(ナムアミダブツ) は唯一興奮性の御身に対するワガ贈りもの

2 октября. Не смей пугаться, читая это письмо.

Прочти его спокойно.

У меня случился первый апоплексический удар.

Это было вечером в субботу, в гостинице «Токива родзэ»⁹.

На мгновение я отчаялась совсем. Но я овладела силой, дарованной мне милостивой богиней Каннон, и выиграла битву со смертью.

Я увидела рассвет тихой новой Жизни.

Если я смогла прожить сорок с лишним лет, ты также должен упрочить своё место на этой Земле и сумеешь обрести тихую жизнь, ты должен.

⁹ Гостиница в Лондоне под управлением японских менеджеров.

Тебе следует сейчас хорошо учиться. **Я** сделала всё, что от меня зависит, **у меня** есть уверенность, что **твоя жизнь** будет спокойной в будущем. Не беспокойся.

Три дня побуду в «Токива родзё», и, наверное, можно будет вернуться в Хэмпстед дня на два.

(На полях слева, в рамке):

Единственное средство, подносимое мною, чтобы смягчить твой страх

– молитва «Наму Амида Буцу»¹⁰.

Эта выписка из письма включает буддистскую молитву, так как Каноко оказалась на грани жизни и смерти, перед лицом вечности. Все местоимения зазвучали более утончённо, как в приведённом письме – «**ты** также должен упрочить своё место на этой Земле». Во фразе «**(тебе)** следует сейчас хорошо учиться» (「今のうち勉強いたしおくべし」) местоимение «ты» замаскировано конструкцией «итаси оку бэси», в котором «итаси» - скромная форма глагола «суру» («делать»), которая демонстрирует фамиллярные отношения с сыном. Читатель понимает, что адресат этого послания – Таро. В то же время писательница использует это замаскированное обращение в старом стиле, превращая письмо в более утончённое и сложное обращение. Общим местом является утверждение, что прямая форма обращения указывает на близость отношений говорящих и «спонтанное самовыражение» в контексте, вовлекающем членов семьи и близких друзей. Косвенные формы (дистальные), как упомянутая скромная форма «итаси», демонстрируют формальную манеру общения. Сошлёмся на статью Синтии Данн: «Почти все высказывания на японском языке требуют выбора между прямой и косвенной формами предиката» (Dunn, 2005, p. 220). В критический период жизни Окамото Каноко выбирает более сложный, но в то же время более «японский» способ обращения к сыну: «Береги себя!» или «Ты можешь остаться один, думай о себе!»

Письмо заканчивается повышением интонации, вложенной в буддистскую молитву. Хотя весь тон письма традиционно сдержанный, игра с местоимениями и гонорифической адресацией превращает его в полный коннотаций. Измерение «фемининность/маскулинность» сдвигается в другую плоскость – от письма тихой и спокойной матери в старой конфуцианской традиции к посланию взволнованной и энергичной женщины, писательницы Нового времени. Другое наблюдение – появляются изменения в стиле современного автора, подразумевающего чуждое окружение. Окамото Каноко путешествует, она видит и чувствует разницу между собой и другими людьми, между собой и сыном, живущим вне её пространства, причём оба персонажа дневников живут за границей. Вот почему молитва оказалась к месту, она звучит не только потому, что женщина начинает задумываться о собственных жизненных обстоятельствах и о будущем сына.

Обсуждение коммуникации с помощью специфических местоимений показывает возможности художественного выражения в эпистолярном и

¹⁰ «Наму Амида Буцу» - буддистское изречение, молитва.

дневниковом жанрах как отдельных жанрах японской литературы XX века. От конкретных примеров самораскрытия, эффекта психологической манипуляции мы намерены раздвинуть наши исследования до встречи с другими – представителями чужих культур и традиций.

Необходимо также представить традиционную японскую манеру мышления, «дэнтотэкина кангаэката» (伝統的な考え方), в Новое время начиная с 1910 г. до 1940 г. – в период, включающий поздние годы периода Мэйдзи (1868–1911), период Тайсё (1911–1925) и первые годы периода Сёва (1925–1988) в соответствии с японской историографией. Хотя наши задачи на этом этапе не включают изучение трансформаций общения с представителями других стран, но необходимо знание баланса между манерой в традиционном ключе и новым, вестернизированным, стилем.

Глоссарий использованных терминов межкультурной коммуникации

Анафора – стилистическая фигура, состоящая в повторении родных звуков, слóва или группы слов в начале каждого параллельного ряда, то есть в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи (Розенталь, Теленкова, 1976, 24-25). Зависимый элемент речи, определяемый отношением к основному высказыванию.

Гоноратив – «форма вежливости», грамматическая категория, передающая отношение говорящего к лицу, о котором идёт речь. Обладает мелиоративными, депрециативными и нейтральными формами (см. японские термины *кэйго*, *сонкэйго*, *кэндзё:го* и *тэйнэйго*).

Дейксис – указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами. Сфера дейксиса включает указание на участников речевого акта (ролевой дейксис), выражается различными видами местоимений (*я*, *ты*, *мой*, *твой*); указывает на степень отдалённости объекта высказывания (выражается указательными местоимениями и частицами, *этот-тот*, *вот-вон*) и на временную и пространственную локализацию (хронотопический дейксис), выражается местоименными наречиями (*здесь*, *сейчас*).

Депрециативные формы гоноративной речи представляют пейоративный тип уважительного отношения – самоуничижение говорящего (см. японский термин *кэндзё:го*).

Дистанцирование от власти. «Аспект дистанции власти определяет степень, в которой люди принимают неравное распределение власти в обществе» (Hofstede, 2011). Общество с высоким уровнем дистанции власти верит в жесткую власть и иерархию власти и характеризуется недостатком равноправия. Не облеченные властью граждане такого общества обычно принимают неравное распределение власти. В обществе с низким уровнем дистанции власти особое значение придается равноправию и разделению власти. Лидер в таком обществе является «первым среди равных».

Женское/мужское начало культуры. Данный аспект определяет степень, в которой культура демонстрирует традиционно мужские качества

(уверенность в себе, дух соперничества, твердость, тщеславие, достижения, владение имуществом, успех) или женские качества (семья, сотрудничество, нежность, воспитание, забота о других, защита окружающей среды, поддержание качества жизни), а также степень, в которой в обществе сохраняются различия между мужским и женским полом.

Низко/высоко-контекстные культуры – изобретение, сделанное Э. Холлом в работе «Поверх культуры» (1976). В высококультурном контексте многое остаётся невысказанным, давая работать культуре.

Избегание неопределённости. Данный аспект отражает степень, в которой общество готово принять неизвестность или избегать ее. Культура с высоким уровнем избегания неопределенности ценит предсказуемость, структуру и порядок. Культура с низким уровнем избегания неопределенности ценит риск, двусмысленность и ограниченную структуру. Представители культуры с высоким уровнем избегания неопределенности обычно характеризуются низким уровнем терпимости по отношению к конфликтам и ценят безопасность больше, чем риск.

«In-/out-группы» – первые группы (по-яп.: 内 «ути»), к которым индивид себя причисляет, будучи их членом; напротив, «out-группы» (по-яп.: 外 «сото»), к которым индивид себя не причисляет.

Индивидуализм – моральное, политическое и социальное мировоззрение (философия, идеология), которое подчеркивает индивидуальную свободу, первостепенное значение личности, личную независимость в рамках демократического правопорядка.

Коллективизм – собирательный социально-психологический термин, характеризующий любую доктрину или другую социальную установку, делающую упор на важность и ценности коллектива.

Кэйго 敬語 – система вежливой речи, так называемые «вежливые слова».

Кэндзёго 謙讓語 – формы языка, выражающие скромность говорящего и тем самым возвышающие собеседника.

Мелиоративный тип гоноративной речи – тип, при котором лексема, наделённая коммуникативной предназначенностью, возвеличивает объект уважительного отношения (см. японский термин *сонкэйго*).

Культуры с долговременной/кратковременной ориентацией. Первая группа называется «конфуцианский динамизм», в ней описывается горизонт общественного времени. Культуры, стремящиеся к долговременной ориентации, более озабочены будущим. Для них важны такие качества, как настойчивость, экономность и стремление к адаптации. В культурах с кратковременной ориентацией поддерживаемые ценности имеют отношение к прошлому и настоящему, включают устойчивость, уважение традиции, сохранение лица, поддержку и выполнение социальных обязательств.

Нейтральные формы одновременно негоноративны и недепрециативны, они не несут никакой информации об уважительном отношении говорящего к субъекту/объекту высказывания (см. японский термин *тэйнэйго*).

Прямой/непрямой стили коммуникации – стили общения в разных культурах, предусматривающие разные способы выражения чувств. Прямой стиль связан с выражением истинных намерений человека. Непрямой стиль общения позволяет скрывать желания, потребности человека. Выбор стиля коммуникации, безусловно, связан с контекстуальностью общения в разных культурах. В японском языке прямая речь чаще всего выражается фамильярным стилем, при использовании сказуемого без ~ます、~です, допускается пропуск некоторых падежных показателей и т.п. Все эти формы не являются вежливыми, и использовать их в разговоре далеко не всегда уместно. Кроме того, в разговорной речи часто встречаются пропуски или стяжения звуков.

Раскрепощённость/зажатость – измерение, выдвинутое Г. Хофстеде, показывает степень, с которой член общества регулирует свои желания и импульсы. Тогда как «раскрепощённые» общества имеют тенденцию к разрешению относительно свободно распоряжаться основными и природными человеческими желаниями и развлекаться, «зажатые» общества имеют убеждение, что подобные действия по раскрепощению собственных желаний нуждаются в обуздании и регулировании жёсткими правилами.

Сонкэйго 尊敬語 – формы языка, выражающие уважение к собеседнику или к человеку, о котором идет речь.

Тэйнэйго 丁寧語 – нейтрально-вежливые формы языка, балансирующие между сонкэйго и кэндзё: го.

Фемининность/маскулинность (см. женское/мужское начало культуры).

Задание для самостоятельного изучения

1. Переведите с японского на русский язык следующий отрывок из эссе Окамото Каноко «Господину Иппэй» (「一平氏に」).

一平氏に

岡本かの子

そちらのお座敷にはもうそろそろ西陽が射す頃で御座いませう？ 鋭い斜光線の直射があなたのお机のわきの磨りガラスの窓障子へ光の閃端をうちあてると万遍なくお部屋の内部がオレンジ色にあかるくなりますのね、そしてにわか蒸暑くなるのでせう、あなたは急に汗を余計お出しになる。でもあなたは、それがどういふ理由からだか分からないやうに余計出れば、何の気なしに余計に拭くといったやうな具合ひに、他愛もなくあなたの丸い細い顎のあたりを傍らの有合せのタホルで拭き取りながら、せつせと書きものゝお仕事をなさる——それからそんな時、あなたの窓の外の松のみどりが一層、穂先きをあざやかに立てゝそしてそのぱちぱちの線が、またあなたの窓の磨りガラスへ程よくぼけて、あなたの汗を拭きとつた黄白いなめらかな頬へ、それから柔かい素直な分け髪へほんのりと青く反射する——おや、わたくしは何を書き出したことでせう。

そちらのお座敷には

あなたのお机

お部屋

お仕事

あなた(5)

わたくしは(1)

2. Используя методологию межкультурной коммуникации, постарайтесь объяснить литературные особенности текста (характер повествования, повествователь, возможный адресат эссе), обозначьте разницу между классическим дзуйхицу (随筆) и современным эссе на примере данного текста; сравните текст с вышеупомянутым текстом «Письма к Таро».
3. Сравните текст «Господину Иппэй» со стихотворением в прозе «Стихотворение в прозе, написанное мамой-лентяйкой» («愚かなる母の散文詩»). Обратите особое внимание на использование местоимения «ватаси» («я») как источник нарциссистических представлений Окамото Каноко.

愚なる(?!)母の散文詩

岡本かの子

わたしは今、お化粧をせつせとして居ます。

けふは恋人のためにではありません。

あたしの息子太郎のためにです。

わたしの太郎は十四になりました。

Например:

«Сейчас я наношу косметику.

Не для своего возлюбленного.

Для сына моего, Таро.

Моему сыну исполняется 14 лет».

そして、自分の女性に対する美の認識についてそろそろ云々するやうになりました。

太郎の為にも、わたしはお化粧をしなくてはなりません。太郎が、いまにいくら美しい恋人を持つとしても、マ、が汚なくては悲観するでせう。さういふ日の来ない先から、わたしはせつせとお化粧します。けふは恋人の為にではありません。太郎の為に未来のずっと未来までも、美しいマ、であり度いお仕度の為にせつせとお化粧のお稽古です。

いまに美しい恋人を持つても、つひ傍のマ、が汚なくては太郎も悲観せざるを得ないでせう。美しい恋人に美しいマ、、それではなければ、太郎の幸福は完全でないでせう。現在だとて、けふの今にも太郎は学校から帰ります。お菓子をもらふより先きに太郎はマ、を見ます。その時、太郎の眼にマ、が綺麗でなかつたら――わたしはお化粧をします。今日は恋人の為にではありません。

わたしは学びます。唐うたを、やまと言葉をフランス語を。そして知らうとします、哲学を宗教を。また絵を文学を、音楽を味ひます。けふのそれらは単にわたしの欲求や嗜好ではありません。太郎のマヽは優れた思想や感覚を持たねばなりません。わたしは学びます。唐うたを、やまと言葉をフランス語を。そして知らうとします哲学を宗教を。また絵を文学を音楽を味ひます。それゆゑ太郎の着物の綻びも縫うてやるひまがありません。太郎は、ぶつぶつ云つて居るやうです。しかし、いまに御らんなさい。太郎はやがて、唐うたを、やまと言葉をフランス語を学び、そして哲学を宗教を知ることによつてよき思想を持ち絵や文学や音楽を味つて充分感覚の洗練されたそのやうなマヽを持ち得るでせう。太郎は、綻びの着物の前をかき合せながら、そのやうなマヽを持ち得たプライドに満ちて幸福でせう。

今日からお金まうけを始め度いのです。わたしの下手な詩でも買つて下さい。

わたしはお金をまうけて、恋人に香ひの好い煙草一箱買はうとするのでもありません。また、わたしのドレス一枚買はう為めでもありませんよ。

当てゝ御覧なさい。当りませんか。

やつぱり太郎に就いてですよ。ですが、年頃の男の子にあまりお金をやつてはよくありません。わたしは貯めて置くのですよ。お金は麻のハンカチへ一包、二包。それから古い革手袋や、昔はやつたお高祖づきんの布つ片にしつかりくゝつて。そして、決して決して太郎には見せません。

わたしは遣るのです。そのお金でいまに太郎の美しいお嫁に着物を買つてやるのです.....太郎はどこからかきつと美しいお嫁さんを連れて来ませう.....そのお嫁さんは、ひよつとするときつい意地悪るかもしれません。

それでもわたしはきれいな着物を買つてやります。太郎は美しい着物を着たお嫁さんをまた一だんと好みませうから。お嫁さんが、わたしをいぢめるお嫁さんでもおかまひなし、わたしは太郎のよろこびのために、そのお嫁さんに美しい着物を買つてやります。

ですから、わたしは今日からお金を貯めなければなりません。

わたしの下手な詩でも買つて下さい。わたしが香の好い煙草一箱恋人に買はうとでもすることですか、またドレス一枚わたしの為に買はふとすることでもありませんよ。

みんな太郎の為に.....太郎の美しいお嫁さんに着物を買ふため

麻のハンカチ古い革手袋、昔はやったお高祖づきんの布つ片へ、そつと貯めて置かうとするお金なんです。

4. Какую роль носят некоторые изменения в транскрипции слов «мама», «ватаси» (ママ、マタ ; わたし、あたし) ? Дайте собственное мнение.
5. Какие языковые маркеры характерны для этого текста? Используйте термины из глоссария по межкультурной коммуникации.

Список литературы

- Алпатов, В. М. Япония: Язык и Общество. – М., 2003.
- Крнета, Н. Мужская и женская речь в современном японском языке. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003.
- Розенталь, Д. Э. Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.
- Baldwin, J. R. 'Communication Modes, Western', in *The International Encyclopedia of Communication*, ed. By Wolfgang Donsbach, 2008, accessed 24 September 2013:
http://www.communicationencyclopedia.com/public/tocnode?id=g9781405131995_yr2013_chunk_g97814051319958_ss93-1#citation;
DOI: 10.1111/b.9781405131995.2008.
- Benedict, R. *The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture*. – Rutland, 1954.
- Bennett, M. J. 'Intercultural communication: A current perspective'. In Milton J. Bennett (Ed.) *Basic concepts of intercultural communication: Selected readings*. – Yarmouth, 1998.
- De Leo, J. *Education for International Understanding: Reorienting Teacher Education to Address Sustainable Development: Guidelines and Tools // UNESCO Bangkok, Asia and Pacific Regional Bureau for Education*, 2010, accessed September 17 September 2013:
<http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001890/189051e.pdf>.
- Delors, J. *Learning the Treasure Within. Report of the International Commission for Education for the Twenty-first Century*. Paris, 1996.
- Dunn, C. 'Pragmatic Functions of Humble Forms in *Japanese Ceremonial Discourse*', in *Journal of Linguistic Anthropology*, 2005, vol. 15, issue 2, pp. 218-238.
- Eckert, P. McConnell-Ginet S. 'Communities of practice: Where language, gender, and power all live', in Kira Hall, Mary Bucholtz and Birch Moonwomon eds., *Locating Power*, Proceedings of the 1992 Berkeley Women and Language Conference. – Berkeley, 1992, pp. 89-99.
- Hofstede G. *Cultures and organizations Software of the mind. Intercultural cooperation and its importance for survival*. – NY, 1997.
- Hofstede G. 'Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context', in *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011, 2(1).
<http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014>.

‘Japanese language’, in Wikipedia, the free encyclopedia, accessed 30 September 2013, http://en.wikipedia.org/wiki/Japanese_language.

‘Japanese names’, in Wikipedia, the free encyclopedia, accessed 30 September, http://en.wikipedia.org/wiki/Japanese_name.

Makino S. *Sexual Differentiations in the Written Discourses* // PJJ. Vol. 6. 1979.

Lakoff R., *Language and Women's Place*. – NY, 1975.

Okamoto Kanoko. ‘Ippei shi e (To Mr. Ippei)’, in *Complete Works of Okamoto Kanoko*, vol. 13, Tokyo, 1976 (「岡本かの子全集, 第十三卷, 冬樹社, 1976) ; *Japanese Famous Zuihitsu*, vol. 55 (Primavera), (日本の名随筆, 別巻55, 恋心, 作品社, 1995) , in www.aozora.gr.jp/ accessed 29 September, 2013:

http://www.aozora.gr.jp/cards/000076/files/3205_23866.html.

Okamoto Kanoko. ‘Orokanaru haha no sanbunshi (Prose Poems of Mother-Lazy bone)’, in *Complete Works of Okamoto Kanoko*, vol. 13, Tokyo, 1976 (「岡本かの子全集, 第十三卷, 冬樹社, 1976) ; *Japanese Famous Zuihitsu*, vol. 42 (Mother), (日本の名随筆, 別巻42, 母, 作品社, 1995) , in www.aozora.gr.jp/ accessed 1 October 2013:

http://www.aozora.gr.jp/cards/000076/files/441_18831.html.

Okamoto Kanoko. ‘Tarō e no tegami yori (From Letters to Tarō)’, pp. 428-457, in *Okamoto Kanoko. Chikuma Shobō Library 037*, Tokyo, 2009.

Yasutake Tomoko. *Communication and Style Shift in Japanese* // *Proceedings of Aichi University of Education (Aichi Kyōiku Daigaku Hōkoku. 2010, vol. 59 (Humanitarian and Social Studies, Jinbun Shakai Kagaku hen)*, pp. 7-14.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Дальневосточного федерального университета. Программа «Научный фонд». Проект «Проблемы современной японской литературы и литератур Востока Азии». № 12-05-04110-01.